

Имитация государственной состоятельности: хищник вместо управленца*

Кирилл Телин

Кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация 119234
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Статья посвящена распространенной идее последних лет — тезису об «усилении» российского государства, под которым подразумевается улучшение его состоятельности, рост стабильности, порядка и силы на отрезке после 2000 г. Данные взгляды анализируются с позиций научных представлений о государственном потенциале, его упорядоченности и устойчивости; рассматривая отечественный кейс и определяя многочисленные обстоятельства, препятствующие солидаризации с политическими декларациями, автор делает вывод об имитационном характере достигнутой «политической стабильности» и якобы состоявшегося в последние десятилетия «усиления». По мнению автора, динамика экономического развития, внутренние структурные противоречия и серьезные дискурсивные проблемы обуславливают расширение, но не усиление государственной системы, а также препятствуют формированию эффективной и результативной системы принятия государственных и политических решений. Автором рассматриваются различные варианты одновременного наличия в государственном устройстве и сильных, и слабых сторон, а также ситуации, в которых затруднительно сделать однозначный вывод о государственной состоятельности и том, чем является государство — грамотным управленческим центром, разрозненной совокупностью соперничающих институтов или монополизирующим ресурсы хищником. Применительно к российским реалиям исследуются гипотезы о «хищническом» и «фрагментированном» характере государственности, опирающиеся на работы Д. Норта, П. Эванса, М. Манна и Э. Джэнн, а также анализируются основные проблемы, с которыми сталкивается продолжение прежней линии политического развития и публичной репрезентации государственной системы: ухудшение внешнеполитической ситуации, серьезное сжатие доступных режиму ресурсов и дивергенция внутри политической элиты.

Ключевые слова: политический режим, российская политика, государственная состоятельность, идеология, пастиш, стабильность

В последние десятилетия основным трендом развития российской политики считается резкое усиление позиций государства практически во всех сферах общественной жизни: кто-то называет это «восстановлением суверенитета» (IFEL Rus, 2015; Трухачев, 2014), кто-то, настроенный менее комплиментарно, — корпорати-

© Телин К. О., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-39-61

* Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-4685.2018.6 «Проблемы политической стабильности: современные подходы»).

визмом (Петров, 2007) или даже неопатримониализмом (Матвеев, 2016). Действительно, государства в общественной жизни становится больше: к такому выводу подталкивают как статистические расклады, так и наблюдения и экспертные оценки. К примеру, Федеральная антимонопольная служба (ФАС) отмечает, что за десять лет, с 2005 по 2015 год, вклад государства и государственных компаний в ВВП вырос с 35 до 70 % (Мереминская, 2016), что в условиях не слишком бурного экономического роста последних лет означает, по всей видимости, не столько динамический прогресс государственного сектора, сколько структурные асимметрии национального хозяйства. При этом, доля «закрытых» статей в российском бюджете, характеризующих непрозрачные для общества траты, только за последние пять лет увеличилась вдвое; по сути, каждый четвертый рубль федеральной казны сегодня засекречен (Кувшинова, 2016). По численности занятых в бюджетном секторе России, по словам министра финансов РФ А. Силуанова, опережает развитые страны в 1,4 раза, а страны со средним уровнем развития — в 2,5 раза (Соколов, Терентьев, 2014). Более того, согласно исследованию Росбизнесконсалтинга (РБК), число чиновников на 10 тыс. человек населения сегодня почти на четверть превышает даже советские показатели (Там же). Некоторые эксперты обращают внимание и на асимметрию в структуре государственных расходов, где, по их мнению, наблюдается перекося в сторону военной и правоохранительной сфер в ущерб образованию, здравоохранению и культуре (Дергачев, Антонова, 2016; ЦЭПР, 2015).

В настоящей статье высказано предположение, что отождествление расширяющегося и усиливающегося государства скорее всего представляет собой не слишком полезное упрощение, исключающее из исследовательского внимания целый ряд важных характеристик современного российского режима. Неслучайно экономист А. И. Колганов указывает, что в России «государства одновременно и слишком много, и слишком мало» (Общественное Телевидение России, 2017). Мы постараемся показать, что это замечание верно не только для экономики.

Такая разная состоятельность

Любое государство для поддержания собственного существования и устойчивости нуждается в мифах и идеологемах, подчеркивающих его долговременный, «преемственный» и прочно укорененный характер, конструктивное обсуждение усиления государственности невозможно без внимания к понятию, незаслуженно игнорируемому в характеристиках «сильной страны». Обычно в фокусе внимания оказывается лишь то государство, чья судьба и чье историческое будущее, бесспорно, продолжают волновать исследователей (Лахман, 2015; Cleverd van, 1999) — но в данном случае этот вопрос явно вторичен. На наш взгляд, куда интереснее и важнее рассмотреть сами категории «усиление», «стабилизация» и «суверенизация» государства, поскольку при всей интуитивной понятности и интуитивной симпатии к такого рода понятиям мы достаточно редко отдаем себе отчет в содержании и смысле магических политических формул.

«Россия встает с колен», «государство усиливается», «страна возвращает себе субъектность» — все эти пассажи часто встречаются в официальном лексиконе, но не становятся от этого точнее и четче. Что на самом деле означает «государственная состоятельность» (stateness), «сила государства» (power), его «стабильность» (stability)? При всей разнице между тремя этими понятиями необходимо, забегаая вперед, подчеркнуть одну общую характеристику — ни одно из них не имеет реального отношения к тому, как развивается государственность современной России.

Под «государственной состоятельностью» (stateness) мы вслед за ключевыми теоретиками, занимавшимися исследованиями в соответствующем направлении, подразумеваем «способность территориальной политики обеспечивать процесс принятия и реализации обязательных для исполнения решений на своей территории и циркуляцию иных общественных благ» (Мелешкина, 2011: 11) или же полноценную реализацию того, что К. Уивер и Б. Рокман называли «способностями государства» (state capabilities) (Weaver, Rockman, 1993). В обоих случаях общим является, во-первых, подчеркивание функционального назначения государства как формы организации общества, а во-вторых, сложный характер государственной деятельности, несводимый к экономическому доминированию в «пищевой цепочке» хозяйствующих субъектов или неограниченной политической власти. С точки зрения Уивера и Рокмана (Там же), государство должно, среди прочего, быть экономически эффективным и стабильным¹, но в обывательском смысле «сильное» государство нередко является таковым именно потому, что оно ничего и никому не должно.

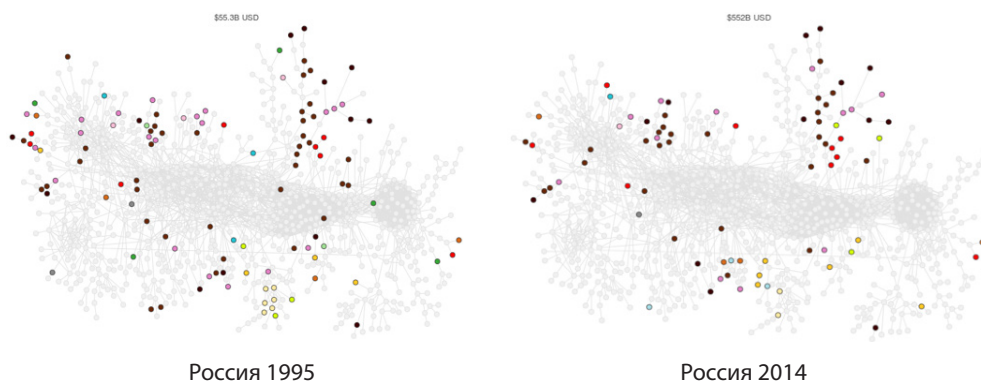
Раскрывая понятие «стабильность», необходимо подчеркнуть, что последняя, как правило, связывается с целым рядом требований к государственной и политической системе: речь идет как о способности к адаптации и устойчивому экономическому развитию, так и о сопротивлении внутреннему расслоению, которое как с экономической, так и с политической точки зрения встречается далеко не в каждом «сильном» государстве.

Требования политической стабильности

В. Г. Иванов и А. О. Ярославцева (Ярославцева, 2012)	Г. Экстайн и Т. Гурр (Gurr, 1969; Eckstein, Gurr, 1975)
— устойчивая конфигурация политических отношений	— долговечность и преемственность (durability)
— преемственность институционального порядка	— легитимность
— легитимность	— сопротивление распрям (strife avoidance)
— способность к воспроизводству, изменению и адаптации	— экономическая эффективность (output efficiency)
— устойчивое экономическое развитие	— «проникновение» или «вовлеченность» (permeation)
— отсутствие политически мотивированного насилия	— власть и авторитет (authority)

1. Системные представления о политической стабильности изложены в работах К. Даудинга и Р. Кимбера (Dowding, Kimber, 1983), Э. Циммермана (Zimmermann, 1979), А.С. Макарычева (Макарычев, 1998), Р.Ф. Туровского (Туровский, 2013), А.С. Ахременко (Ахременко, Юрескул, 2013) и др.

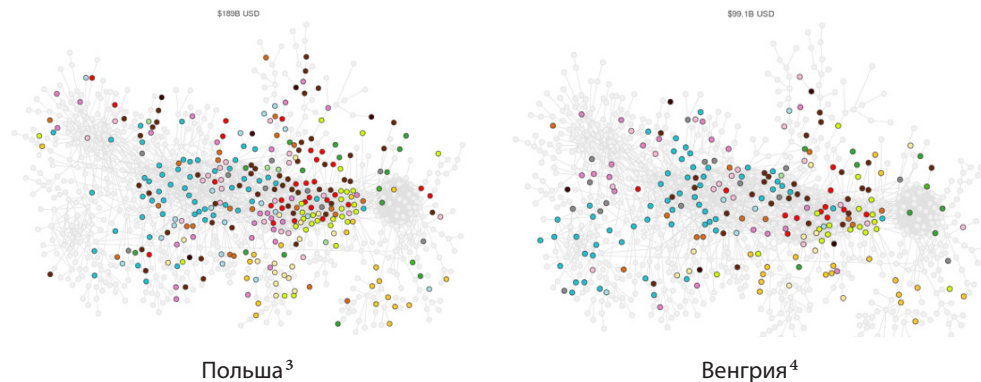
К примеру, российская экономика, несмотря на более чем десятилетнюю декларируемую «стабилизацию», с трудом выходит из кризиса, вызванного глобальными потрясениями: даже Министерство экономического развития, чьи прогнозы нередко оказываются крайне оптимистичными по отношению к реальному состоянию экономики, прогнозирует в ближайшие годы темпы прироста ВВП в 1,5 ниже среднемировых (Кувшинова, Прокопенко, 2016). С 2008 года ВВП страны по итогам года трижды снижался (по индексу физического объема); даже до объявленного режима санкций, ограничившего доступ российских игроков к зарубежным заемным средствам, положение дел на финансово-валютном рынке, равно как и развитие реальных секторов экономики, резко расходилось с официальными декларациями. Если вслед за М. Атнашевым (Атнашев, 2016) и И. Ямщиковым (Ямщиков, 2014) использовать теорию экономической сложности Р. Хаусмана и Ц. Идальго (Hausman et al., 2011), российская экономика — в 2014 году 50-я в мире по индексу ЕСИ (Economic Complexity Index) — схематично может быть изображена следующим образом²:

Точками на карте обозначены отрасли национального производства, участвующие в мировой экономике и торговле; соответственно, чем больше число точек, тем более сложной, диверсифицированной и конкурентоспособной является экономика.

Для сравнения: экономики Польши и Венгрии — посткоммунистических стран, не обладающих природными ресурсами, сколь-либо сопоставимыми с российскими, выглядят так:

2. http://atlas.cid.harvard.edu/explore/product_space/export/rus/all/show/2014/?prod_class=hs4&details_treemap=2&disable_widgets=false&disable_search=false&node_size=none&queryActivated=true&highlight=&yaxis=complexity

Эти изображения характеризуют недостаточную диверсификацию экономики (за последние годы лишь усилившуюся) и весьма слабо реагирующую на призывы к импортозамещению. Экономическая эффективность государственных компаний оспаривается (Зубов, Иноземцев, 2015); зависимость бюджета от экспорта энергоресурсов и корреляция темпов роста ВВП, доходов федерального бюджета и размеров резервов с изменениями цены на нефть вызывают серьезное беспокойство, будучи тенденциями если не структурными, то долгосрочными (Мовчан, 2016). Главная черта российского государственного усиления — «наведение порядка» в экономике — становится, таким образом, не слишком убедительной.

Подобная конфигурация хорошо описана рядом авторов как «большое, но слабое» государство (Март, 1984: 188) — или же государство, возможно, сильное, но реализующее иные институциональные цели, чем удовлетворение общественных потребностей, экономическое развитие или демократизация (Rotberg, 2003: 4). Само по себе понятие «сила государства» (state power), если обратиться к исследованиям Э. Мэнсфилда, Р. Столла и М. Уорда или Дж. Миршаймера, чаще используется для международно-политических сравнений или посвященных военно-политическому потенциалу либо внутреннему силовому контролю, нежели чему-либо еще (Barnett, Duvall, 2005). Насколько подобный термин применим для оценки всех взаимодействий государства с гражданскими партнерами и коммерческими контрагентами — большой вопрос. Представляется сомнительным, что сочетание партийно-бюрократического режима и милитаристского курса будет оптимальным для общественного развития — хотя, по-видимому, именно это сочетание и предлагают симпатизанты «сильного государства» в той его интерпретации, от которой предостерегал еще М. Унамуно («Нет ничего хуже союза казарменного

3. http://atlas.cid.harvard.edu/explore/product_space/export/pol/all/show/2014/?prod_class=hs4&details_treemap=2&disable_widgets=false&disable_search=false&node_size=none&queryActivated=true&highlight=&yaxis=complexity

4. http://atlas.cid.harvard.edu/explore/product_space/export/hun/all/show/2014/?prod_class=hs4&details_treemap=2&disable_widgets=false&disable_search=false&node_size=none&queryActivated=true&highlight=&yaxis=complexity

слабоумия и жесткости ризницы») (Salcedo, 1964: 210). Историк и социолог Дж. Хоскинг, в свою очередь, заметил, что существует прочная связь между силой государства и его правовым характером: «Это может звучать парадоксально, но слабое государство никогда не будет правовым. Оно будет то ли в руках богатых, то ли в руках хорошо вооруженных, то ли в руках у тех, у кого самые влиятельные родственники» (Хоскинг, 2016).

Государство-в-себе

Между тем государства — вернее будет говорить о конкретных политических режимах, нежели обо всей государственной системе в целом, способной на известную гибкость, — нередко стремятся создать не столько сильное («силовое») государство, сколько его имитацию. Инструментами для этого могут стать отдельные решения репрессивного характера, призванные продемонстрировать «возвращение порядка»; резкая кадровая политика в отношении правительства или региональных руководителей, ориентированная на «выстраивание вертикали» или «укрепление авторитета», а также электоральные, экономические и иные решения, призванные не столько сделать государство более «состоятельным», сколько ослабить любых его потенциально возможных соперников. Чаще всего формирование подобной конфигурации может проходить по двум сценариям: 1) условно «оболочечного» (husk) или «полого» (hollow) государства, о котором писал, к примеру, Дж. Скотт (Скотт, 2005) (Э. Дженн называла подобный тип «фрагментированным государством» (Jenne, 2005)), и 2) «государства-хищника» — термин Д. Норта (North, 1981), получивший широкое распространение благодаря работам П. Эванса (Evans, 1995), а также используемый В. Я. Гельманом (Бычкова, Гельман, 2010; Гельман, 2013).

В первом случае государство в целом представляет собой исключительно аппарат принуждения, контролирующей часть территории «политии» и осуществляющий некоторые социально значимые функции (а другие, соответственно, не способно или не желает осуществлять). При этом в рамках своей зоны контроля государство прибегает к жестким решениям и склонно скорее к администрированию, нежели диалогу, партнерству и управлению, что и вызывает у людей ощущение «силы» и даже «порядка». Поразительно, что такие государства, как Египет или Ливан, сталкивающиеся сегодня с серьезными трудностями, опережают в некоторых рейтингах «силы» Австрию или Польшу (US News, 2017), а опыт северокорейского или венесуэльского руководства, слабо понимающего специфику серой экономики в собственной стране, но компенсирующего это репрессивной активностью, многие считают достойным подражания. В России за десять лет (2006–2016 гг.) в два раза увеличилось число симпатизирующих главе Чечни Р. А. Кадырову (с 8 до 16 %) и доверяющих ему (с 7 до 15 %); число уважающих его респондентов выросло с 11 до 31 % — и это притом что и по уровню дотационности бюджета, и по уровню доходов населения, и по уровню террористической опас-

ности (РБК, 2016) вверенная столь уважаемому политическому руководителю республика демонстрирует не слишком блестящие показатели.

Обнаруживаемое Нортон и Эвансом «государство-хищник» ведет себя иначе. Вопреки названию, государство здесь не совсем самостоятельная сила: его хищническое поведение задано тем политико-управленческим персоналом, чей элитарный костяк «приватизирует» государственные институты, превращая их в способ изъятия общественных ресурсов и поддержания авторитарных практик. «Сильное» государство-хищник подминает под себя социальную систему, вытесняя из общественно-политической жизни частный сектор, НКО, НПО и любых других акторов, представляющих угрозу для формирующейся монополии. Как свидетельствует Б. Мадьяр, оценивающий Венгрию при В. Орбанах как «посткоммунистическое мафиозное государство» с «политбюро» во главе, усиливающиеся венгерские власти, «возвращающие стране достоинство», на деле занимались хищническим перераспределением собственности — от ключевых компаний до табачных ларьков Будапешта (Мадьяр, 2016). Схожие процессы происходят в Турции Р. Эрдогана, где в 2013 году правоохранительная операция «Большая взятка» разоблачила коррупционные схемы действующих правительственных руководителей, а также сына самого премьер-министра. Обвинения Эрдогана в коррупции до сих пор остаются едва ли не центральными со стороны оппозиции.

В прошлом «государства-хищники» можно почти повсеместно обнаружить в персоналистских и тем более «семейных» диктатурах — таких, как правление Р. Трухильо в Доминиканской Республике, отца и сына Дювалье на Гаити, клана Сомосы в Никарагуа, конголезского диктатора Мобуту. Э. Кроули в своей работе, посвященной Никарагуа, ярко описывает особенность «хищнического государства»: «Однажды было замечено, что в Никарагуа легче всего в мире осуществить социалистический переворот — победоносной революции нужно было экспроприировать собственность всего одной семьи... можно сказать, что эта семья и была Никарагуа» (Crawley, 1979: 135). Эта черта — полное отождествление некоей элитной группы (семьи, клана, партии) с государством как таковым — была свойственна и нацистской Германии, где, например, в 1935 году партийный флаг НСДАП был утвержден в качестве государственного, Филиппинам, где правление Ф. Маркоса сопровождалось его контролем над многими секторами экономики (Robinson, 1999: 25), и многим современным автократиям.

В обоих названных случаях — и в части «полой» государственности, и в части «хищнического» режима — государство достаточно обеспечено ресурсами, чтобы создавать видимость внутреннего порядка и имитировать целостность и стабильность. В ряде предыдущих публикаций (Телин, 2016) мы охарактеризовали подобную имитацию как «пастиш»; пожалуй, в отношении как-бы-сильного государства и деятельности по поддержанию этого «ощущения» данный термин также вполне применим. При этом пастиш далеко не всегда выступает как субъективная «злая воля» — у «полых» государств Западной Африки зачастую элементарно не хватает потенциала и ресурсов даже для имитации порядка, что уж говорить о государ-

ственной состоятельности; тем не менее в ряде случаев для имитации отсутствует как раз объективная необходимость — кейсы вполне развитых стран, таких как Венгрия или Россия, демонстрируют это достаточно красноречиво.

Имитация или деспотизм?

Вопрос искажения государственной состоятельности вместе с тем можно представить и иным образом — не как имитацию, а как асимметрию и структурный «раскол». В 1984 году в работе «Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты» британский социолог М. Манн указал на различие между двумя формами государственной власти — «деспотической» и «инфраструктурной»: первая, обычно отождествляемая в литературе с «государственной мощью» (Mann, 1984: 210), подразумевает возможность принятия решений «без обычных переговоров с группами гражданского общества» (Ibid.: 188). Вторая же связана со способностью государства, взаимодействуя с обществом, принимать необходимые общезначимые решения или, цитируя Манна, «проникать в гражданское общество и централизованно координировать его деятельность посредством своей собственной инфраструктуры» (Масловский, 2004: 124). На стыке двух этих форм образуется широкий простор для комбинаций: государство может быть одновременно крайне властным в деспотическом стиле и слабым в аспекте инфраструктурном (Манн называет такой кейс «имперским» [Mann, 1984: 191]) или же, напротив, слабым с точки зрения «мощи», но «инфраструктурно сильным» — таковы, указывает Манн, «капиталистические демократии» (Ibid.: 190).

При этом современники и коллеги Манна — Ч. Тилли (Tilly, 1975: 32) или Г. Гилл (Gill, Pitty, 1997: 6) дополняли высказанную им идею еще одним важным тезисом. Несмотря на различия между названными Манном формами государственной власти, они еще и связаны специфическим образом: без внимания к инфраструктурной устойчивости любые перспективы деспотического властвования носят краткосрочный и не слишком стабильный характер. Можно довольно долго отстаивать «внутренний суверенитет» государственных структур даже от собственного населения, но в долгосрочной перспективе такие решения перестанут быть выгодными: отстранение потенциальных участников от обсуждения общественных проблем, деполитизация последних и несовершенство механизмов обратной связи приводят к тому, что под угрозой оказывается как техническая эффективность использования общественных ресурсов, так и результативность деятельности государства. Сам Манн указывает: «деспотическое государство без прочной инфраструктурной поддержки будет только претендовать на целостность» (Mann, 1984: 210). П. Эванс, в свою очередь, замечает, что «комбинация слабой внутренней организации и персонифицированных внешних связей создает бессвязное абсолютистское доминирование, которое никоим образом не может усилить... возможности государства» (Evans, 1989).

Последнее замечание, впрочем, порой оспаривается: Ч. Джонсон, Э. Эмсен и Р. Уэйд указывают на тот факт, что развитие некоторых восточных обществ (таких как китайское, корейское и пр.) происходило при доминировании государственных институтов, которые, по сути, были независимыми от остального общества и представляли собой образец деспотического властвования (Onis, 1991). При этом подобный деспотизм в представлении указанных авторов не просто обусловлен историко-культурной спецификой, но и выполняет модернизаторские и девелопменталистские функции: развивает экономику, оптимизирует социальный уклад, разрешает общественные конфликты. Бесспорно, это напоминает взгляды К. Маркса на «азиатский способ производства» (Качановский, 1971) или же работы К. Виттфогеля, посвященные «ирригационным империям», где общества также собирались вокруг государственных структур (Wittfogel, 1957). Однако даже в таких взглядах есть определенный нюанс, заставляющий отличать «полую» или «хищническую» государственность от простого доминирования деспотической власти над инфраструктурой.

Этот нюанс отмечают Д. Слейтер, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, подчеркивающие: азиатская специфика, во-первых, опирается на своеобразную начертанную ранее «колею», а во-вторых, является проекцией от конкуренции общества и государства, в ходе которой тот или иной полюс получает преимущество и становится основой социального порядка (Slater, 2010; Acemoglu, Garcia-Jimeno, Robinson, 2015; Acemoglu, Robinson, Torvik, 2016). Слейтер отмечает: «Специалисты по Европе обычно боятся хищных государственных элит, которые пытаются поглотить общество, тогда как специалисты по Азии, как правило, боятся хищной общественной элиты, которая пытается поглотить государство» (Слейтер, 2006). В тех же случаях, когда конкуренции между политическими акторами вообще нет, возможностей для создания стабильной государственности становится ощутимо меньше — и мы вновь возвращаемся к проблеме неэффективных решений и ограниченного потенциала адаптации к меняющейся внешней среде.

Возвращаясь к взглядам Манна как потенциально возможной альтернативе представлениям об «имитации состоятельности» через «полую» либо «хищническую» государственность, стоит отметить несколько аргументов против такой трактовки.

Во-первых, представляется неочевидным и недоказанным допущение о том, что российское государство является «деспотически сильным»: даже для силового господства в настоящее время встречаются вызовы, заставляющие усомниться в способности властных структур совершенно отстраниться от кооперации с другими политическими акторами. Речь здесь может идти о зонах, на которые во многом не распространяется государственный (федеральный) контроль, например, о Чеченской Республике (Falkowski, 2015) или, пусть и в несколько ином виде, Дальнем Востоке⁵.

5. В 2013 г. сопредседатель «Деловой России» А. Данилин-Данильян заявил: «Дальний Восток фактически должен жить как отдельная страна»; это заявление, впрочем, отражало уже выражен-

Также вызывают серьезные сомнения в российском деспотическом потенциале многочисленные конфликты внутри той группы, которую принято называть «силовиками». Попытка совместного описания и наделения цельной «субъектностью» разрозненных ведомств, порой находящихся друг с другом в крайне напряженных отношениях и одновременно переживающих все новые циклы реформирования, может убедительно выглядеть на бумаге, но на деле представляет собой условность или даже публицистический штамп. Более того, частые, но бессистемные перестановки в соответствующих учреждениях также могут быть отражением их нестабильного состояния (подобные замечания делает, к примеру, Р. Йонг-а-Пин [Jong-A-Pin, 2006]) — а в России реформирование силовых структур не прекращалось едва ли не с момента их создания. На фоне продолжающихся конфликтов ФСБ и ФСКН, Следственного комитета и прокуратуры только за последние годы были приняты решения об упразднении Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной миграционной службы, Федеральной таможенной службы (все были созданы в 2004 г.), образовании Федеральной службы войск национальной гвардии, упразднении правоохранительного вида государственной службы — перечислять же непосредственно кадровые перестановки в силовых структурах не имеет смысла за изрядной протяженностью подобного списка.

Вторым обстоятельством, заставляющим в российских условиях рассматривать скорее имитационный сценарий, нежели предположение о «деспотической» государственности, оказывается явный дефицит у власти представлений как о будущем, так и о настоящем — о том, что представляет собой современное российское общество и в каком направлении ему следует развиваться. Манн, конечно, указывает, что деспотическая власть определяется в первую очередь «возможностью Красных Королев снимать «голову с плеч» (Mann, 1984: 189), но, кроме этого, она же и требует концентрации силовых, экономических и идеологических ресурсов ради определенной динамики и развития государства. В нынешних условиях пастиш заключается именно в том, что ни идеологии, ни даже каких-то технических целей, ради которых можно было бы устанавливать деспотическую власть и «рубить головы», попросту не существует: ни «суверенная демократия», ни «план Путина», ни «национализация элит», «импортзамещение» или «поворот на Восток» не вышли за рамки обычных политических деклараций и громких заявлений. За четверть века определенности не появилось даже с проектом национальной идентичности: слова «русские» и «россияне» по-прежнему то представляются как взаимозаменяемые, то как комплементарные, то как противоположные по смыслу.

Конечно, в любых условиях немалое число политиков ориентируется в первую очередь на сохранение собственного пребывания во власти и рост личного благосостояния; однако ситуацию, в которой «парциальные экономические интересы

ную специфику ДВФО, многие моменты жизни которого оказывались почти без внимания со стороны контрольных или надзорных органов государственной власти (<http://expert.ru/expert/2013/44/vostochnaya-chrezvyichajka/>).

подчиняют себе государство, а политический бизнес, монополизируя власть, подчиняет себе экономику» (Мадьяр, 2016: 78), нельзя ни отождествить с деспотической властью в концепции Манна, ни вообще связать с устойчивой государственностью. Захваченное, или приватизированное, государство, по сути, утрачивает ту субъектность, которая привлекает многих в «мощной» деспотической власти: оно является лишь инструментом для обогащения, или, по-иезуитски говоря, средством, а не целью.

Комментируя феномен «авторитарной модернизации», В. Я. Гельман указывает: последняя «говорит нам о том, что автократу не надо обращать внимание ни на избирателей (т. е. его деспотическая власть высока), ни на группы интересов (т. е. его автономия от групп интересов высока)» (Гельман, 2016). В российском случае есть серьезные сомнения в истинности такого тезиса, и не только по причине отсутствия модернизации. Российская политика заставляет усомниться в самом наличии некоего обособленного и цельного «автократа», тем более — автократа, независимого от групп интересов. Американский социолог Р. Лахман выделяет три ключевых условия, позволяющих вести речь о монолитной элитной группе: это унифицированная организация, отсутствие конкурентов в области присвоения ресурсов, а также отсутствие возможностей подрыва некоторыми представителями группы сложившейся системы управления (Лахман, 2010: 32). При применении каждого из этих условий к российской политической практике возникают логичные вопросы. О конфликтах внутри элиты, приобретающих институциональный характер, мы уже говорили на примере противостояния «силовиков»; на то, что организация российской власти не вполне унифицирована и допускает возможность подрыва, указывают не только Н. Зубаревич (Зубаревич, 2011) или исследователи региональных политических режимов (Баранов, 2012), но и сами руководители государства.

Наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что в большинстве случаев «деспотическая власть» раскрывается не в применении насилия или публичном отсутствии диалога, а именно в имитации диалога и в намеках на использование насилия. Реализуя стратегию «навязанного консенсуса» (Гельман, 2013), властные структуры как бы намекают на возможные риски от уклонения от предлагаемого «сотрудничества» — но в масштабах страны эти риски реализуются довольно редко: можно вспомнить резонансные дела ЮКОСа или «Башнефти», но для огромного числа граждан риск применения к ним насилия тем ниже, чем выше уровень их взаимопомощи. Что же касается иллюзии взаимодействия и сотрудничества, то этой цели посвящены как созданные относительно недавно структуры «гражданского общества» (Общественная палата, ОНФ, советы при президенте, общественные и консультационные советы при органах исполнительной власти), так и партий-спойлеры, размывающие электоральный ландшафт.

Сломанный механизм (вместо заключения)

Весь «суверенитет» вместе с «вертикалью власти» и «национализированной элитой» не смогли придать российской экономике достаточного запаса прочности: по результатам мирового финансово-экономического кризиса Россия оказалась одной из худших среди крупных экономик. Не меньшие проблемы обнаружились в 2011 году в политической конкуренции, да и сегодня в официальных заявлениях рефреном нередко звучит требование «отстоять» стабильность и «предотвратить крах», хотя, казалось бы, по итогам практически двух десятилетий «упорядочивания» риски этого краха должны были стать сугубо символическими. При этом расходы российского государства на внутреннюю безопасность неуклонно растут, а в условиях закрытости соответствующих бюджетных статей и объективного дефицита общественного контроля и аудита об эффективности реализуемых решений говорить порой довольно сложно. Каждый год проверки Счетной палаты вскрывают многомиллиардные хищения и потери при использовании средств федерального бюджета; однако общий подход российских властей к оценке эффективности крупных государственных проектов⁶ позволяют такой ситуации воспроизводиться, несмотря на критику и порицание. Государство превращается в вещь-в-себе-и-для-себя⁷: с этой точки зрения многие образцы «гибридных режимов» или «нового авторитаризма» по-прежнему весьма похожи на проверенный временем курс Бенито Муссолини: «Все для государства, ничего вне государства, никого против государства» (Morstein, 2007: 48).

Однако описанные выше механизмы имитации государственной состоятельности в ближайшие годы с высокой вероятностью столкнутся с серьезными трудностями. Мы можем обозначить три обстоятельства, способствующих такому прогнозу: ухудшение внешнеполитической ситуации, серьезное сжатие доступных режиму ресурсов и дивергенция внутри политической элиты.

Охлаждение отношений с «западными партнерами» уже привело к серьезным сдвигам в официальном оформлении внешнеполитической линии: из нового варианта Концепции внешней политики исчез тезис о «России как неотъемлемой части европейской цивилизации», а в Стратегии национальной безопасности появилось положение о «реализуемой [странами Запада] политике сдерживания России»⁸. За

6. Пример крупных государственных проектов — от Олимпиады в Сочи до космодрома «Восточный» — показывает, что для российских властей приоритетом является результативность (достижение ранее поставленных целей), а не техническая эффективность (оптимальное расходование доступных ресурсов).

7. Вадим Волков пишет: «Укрепление государства означало прежде всего усиление и активизацию отдельных его сегментов, деятельность которых в условиях отсутствия централизованного контроля и процедурной дисциплины стала новой формой силового предпринимательства. Это, в свою очередь, не могло не вызвать эффекта, обратного желаемому: произвол отдельных государственных организаций и их стремление к реализации частной выгоды ослабляет государство как инстанцию, реализующую общественные интересы или производящую общественные блага» (Волков, 2012: 296).

8. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

пределами нормативного дискурса внимание должно быть приковано к попытке выработать новые правила и договоренности, которые позволили бы выйти из дипломатического кризиса и сложившейся изоляции. В пределах настоящей статьи эта попытка должна быть интересна не собственно содержательными вариантами такого потенциального «пакта», но прежде всего теми затратами, которые необходимы для внешнеполитической «перезагрузки». Россия, и без того участвовавшая в урегулировании иранского конфликта или ситуации на Корейском полуострове, за последние годы вступила в сирийскую кампанию, неоднократно обвинялась во вмешательстве в избирательные кампании за рубежом, столкнулась с режимом санкций и приняла на себя груз интенсификации интеграционных проектов наподобие Евразийского союза или Шанхайской организации сотрудничества. Такая многовекторность и ранее была далеко не легкой для страны, которую экс-президент США Б. Обама в 2014 году назвал «региональной державой», в условиях же фактического исключения из структур, ранее занимавших важное место в российской внешней политике, поддержание своего реноме выглядит еще более трудной задачей. Особенно непростой становится внешняя легитимация происходящего в стране, необходимая как для привлечения инвестиций, так и для динамичного развития, — в истории XX века есть немало историй выдающегося национального успеха, но ни одна из них не связана с изоляционистской политикой (Спенс, 2012).

Сжатие государственных ресурсов также начинает сказываться на воспроизводстве привычной режимной конфигурации. В сентябре 2017 года было заявлено, что поток бюджетного кредитования, который раньше позволял несколько смягчать проблему резкого роста регионального государственного долга, в 2018 году сократится вчетверо (50 млрд рублей против 200 млрд в 2017 году), а в проекте бюджета на 2018–2020 годы попросту не предусмотрен. Согласно драфту долгосрочного бюджетного прогноза Министерства финансов РФ, представленному в 2016 году, расходы бюджетной системы в соотношении с ВВП будут последовательно сокращаться ближайшие 18 лет из-за сокращения ее доходов (Кувшинова, 2016). За один только трехлетний период 2018–2020 годов, по оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, расходы бюджета в реальном выражении сократятся практически на 10 % (Фаляхов, 2017). Такое состояние государственных финансов формирует крайне неустойчивый фундамент для сложившейся ранее модели федеративных отношений, характеризующейся сверхцентрализацией и ограниченной автономией региональных властей. Мы уже указывали, что даже для решений, имитирующих государственную состоятельность, необходимы определенные ресурсы, распределяемые через неформальные и сетевые механизмы: когда сокращение нефтегазовой ренты сталкивается с имеющимися в экономике структурными проблемами, гарантировать прежнюю устойчивость практически невозможно.

Это инициирует третью проблему: дивергенцию внутри политической элиты. Опыт европейской политики подсказывает, что население, остро реагирующее на

экономические трудности, склонно постепенно отказываться в легитимности руководителям, отождествляемым с этим процессом (Bloom, Price, 1975), а появляющиеся внутри кризисного общества политики-популисты могут инициировать сдвиг всей социальной повестки в эту сторону (Acemoglu, Egorov, Sonin, 2013). В случае если подобный процесс будет инициирован внутри современного российского политического режима, основой для раскола элиты станет как сохранение «номенклатурных» позиций прежних руководителей, так и запрос на популистов со стороны столкнувшегося с депривацией общества; а отсутствие магистральной идейно-ценностной линии лишь усугубит эти проблемы. Часть региональных лидеров уже сегодня переносит ответственность за экономические сложности на федеральный центр; в свою очередь, часть политического истеблишмента федерального центра начинает обращаться к популистским заявлениям и программам.

Ряд авторов находит основание устойчивости столь неоднозначной режимной конфигурации в политической культуре и исторических особенностях российского развития. А. П. Цыганков (Цыганков, 2015), к примеру, указывает, что специфическое видение «сильного государства» в России связано, во-первых, с укорененностью «самодержавия» (Tsygankov, 2014: VIII) как политического мифа, актуального для значительной части населения, а во-вторых, с советскими традициями биполярного противостояния и идеологической централизации (Ibid.: 59), подталкивающими к сплочению вокруг государства перед лицом внешней угрозы. Признавая справедливость замечаний, связывающих генезис как-бы-сильного государства с особенностями исторического развития, хотелось бы все же усомниться в возможности абсолютизации этой трактовки.

Во-первых, политическая мифология в современных условиях — вещь если и гибкая, то подверженная информационному давлению, и примеры «псевдомифов», о которых пишут Р. Барт или К. Кереньи (Кереньи, 2012), хорошо иллюстрируют это отсутствие воображаемой устойчивости, как, например, и колеблющееся отношение россиян к личности И. В. Сталина. Если государственным идеологическим аппаратам доступно ужесточение определенных представлений и проведение «прививок авторитаризма», то очевидно, что при определенных условиях возможна и иная трансформация, которую — правда, без особого социального успеха — пытались реализовать в эпоху конца 1980-х — начала 1990-х годов. Во-вторых, гиперболизация «наследия», формирующего неизбежную «колею» социального развития, тоже представляется не до конца аргументированной: в советские традиции, казалось бы, должен входить и кодекс строителя коммунизма с его непримиримостью к «несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству», а также к «национальной и расовой неприязни», однако реальное общественное мнение вряд ли может быть охарактеризовано подобным образом. Можно вместе с тем предположить, что посткоммунистический опыт имеет важное значение в контексте тех административных практик, которые оказались заимствованными новыми властями именно у позднесоветской элиты. Более того, Ю. А. Нисневич (Нисневич, 2014) или О. В. Крыштановская (Kryshchanovskaya,

White, 1996) напрямую указывают на то, что российский истеблишмент в значительной степени сформирован именно выходцами из номенклатуры.

Пожалуй, именно с этим может быть связано и последнее замечание: А. В. Юрчак в работе «Это было навсегда, пока не кончилось» отмечал, что в позднем СССР идеологический дискурс имел мало общего с реальной общественной ситуацией — гипернормализованные лозунги лишь воспроизводили привычные формулы и воззвания, а люди, озвучивавшие их, порой попросту не понимали значения тех или иных выражений (Юрчак, 2016). Современная Россия сталкивается с похожей ситуацией: декларации «усиления» и «стабилизации» по-прежнему звучат, но за пределами официальных документов имеют как слабое отношение к реальности, так и пренебрежительно малое значение для ее изменения в лучшую сторону.

Литература

- Атнашев М. (2016). Что Россия может и не может производить вместо нефти. URL: <http://carnegie.ru/commentary/62888> (дата доступа: 09.06.2017).
- Ахременко А. С., Юрескул Е. А. (2013). Эффективность государственного управления: политологический и экономический подходы // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 77–88.
- Баранов А. В. (2012). Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии // *Человек. Сообщество. Управление*. № 4. С. 62–73.
- Бычкова О. В., Гельман В. Я. (2010). Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 73–82.
- Волков В. В. (2012). Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Гельман В. Я. (2013). Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург.
- Дергачев В., Антонова Е. (2016). Бюджетные расходы на силовиков к 2019 году вырастут до 2 трлн руб. URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/10/2016/580a526d9a7947cb56546df8> (дата доступа: 09.06.2017).
- Зубаревич Н. (2011). Четыре России. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата доступа: 07.06.2017).
- Зубов В., Иноземцев В. (2015). Экономика «чудес»: почему государственные компании так неэффективны. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/09/2015/60923639a79472a14442d47> (дата доступа: 19.06.2017).
- Качановский Ю. В. (1971). Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.: Наука.
- Кереньи К. (2012). Мифология. М.: Три квадрата.
- Кувшинова О. (2016) «Сокращение расходов бюджета продлится 18 лет». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/31/663105-sokraschenie-rashodov-byudzheta> (дата доступа: 09.07.2017).

- Кувшинова О., Проккопенко А. (2016). Еще 20 лет стагнации // «Ведомости». № 4186. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsii> (дата доступа: 09.07.2017).
- Лахман Р. (2010). Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего.
- Лахман Р. (2015). От американской гегемонии — до изменения глобального климата: будущее государства // Валдайские записки. № 18. Май URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/10951/> (дата доступа: 16.06.2016).
- Мадьяр Б. (2016). Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии / Пер. с венг. П. Борисова. М.: Новое литературное обозрение.
- Макарычев А. С. (1998). Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. № 1. С. 149–157.
- Масловский М. В. (2004). Социология политики: классические и современные теории. М.: Новый учебник.
- Матвеев И. А. (2016). Неолиберализм с российскими характеристиками. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/ilya-matveev/rossiya-inc> (дата доступа: 10.07.2017).
- Мелешкина Е. Ю. (2011). Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. № 2. С. 9–27.
- Мереминская Е. (2016). Государева доля // Ведомости. № 4171. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki> (дата доступа: 10.06.2017).
- Мовчан А. (2016). Коротко о главном: российская экономика в XXI веке. URL: <http://carnegie.ru/2016/04/26/ru-pub-63431> (дата доступа: 07.07.2017).
- Нисневич Ю. А. (2014). Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. № 5. С. 88–97.
- Общественное Телевидение России. (2017). Государство в экономике: пределы допустимого. URL: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/gosudarstvo-v-ekonomike-25740.html> (дата доступа: 05.06.2017).
- Петров Н. (2007). Корпоративизм vs регионализм // Pro et Contra. Июль—октябрь. С. 75–89.
- РБК. (2016). Россияне стали больше доверять Рамзану Кадырову. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56c824e59a79476e3b9ae02e> (дата доступа: 09.07.2017).
- Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства: почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.
- Слейтер Д. (2016). Откуда берутся сильные государства? Примирение азиатской и европейской концепций. URL: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (дата доступа: 10.07.2017).

- Соколов А., Терентьев И. (2014). Сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (дата доступа: 10.07.2017).
- Телин К. О. (2016). Игра в имитацию: феномен политического пастиша // Политическая экспертиза. Т. 12. № 2. С. 77–97.
- Трухачев В. В. (2014). Нарушение суверенитета не ведет к добру // Развитие и экономика. № 11. С. 98–105.
- Туровский Р. Ф. (2013). Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения // Политика. № 1. С. 175–196.
- Фалыхов Р. (2017). Бюджет-2018: правительство давит экономический рост. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/10/24/10955294.shtml> (дата доступа: 25.10.2017).
- Цыганков А. П. (2015). Сильное государство: теория и практика в XXI веке. URL: <http://valdaiclub.com/publication/77420.html> (дата доступа: 25.10.2017).
- ЦЭПР. (2015). Бюджет-2016: на первом месте — содержание. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2015/10/Бюджет-2016-исследование1.pdf> (дата доступа: 08.07.2017).
- Юрчак А. (2016). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Ямщиков И. (2014). Теория экономической сложности и будущее России. URL: https://www.bbc.com/russian/blogs/2014/12/141209_blog_technology_yamshchikov_economics (дата доступа: 10.06.2017).
- Ярославецва А. О. (2012). Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Иванов В. Г. (ред.). (2012). Актуальные вопросы и проблемы политической стабильности в современном мире. М.: РУДН. С. 11–44.
- IFEL Rus. (2015). Материалы круглого стола «Обеспечение финансового суверенитета России» Московского экономического форума 2015 г. URL: http://www.ifel.ru/mef2015/MEF_2015_14_Reports_1.pdf (дата доступа: 12.06.2017).
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2013). A Political Theory of Populism // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 128. № 2. P. 771–805.
- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J. A. (2015). State Capacity and Economic Development: A Network Approach // American Economic Review. Vol. 105. № 8. P. 2364–2409.
- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016). The Political Agenda Effect and State Centralization. URL: <https://economics.mit.edu/files/11528> (дата доступа: 01.08.2017]
- Barnett M., Duvall R. (2005). Power in International Politics // International Organization. Vol. 59. № 1. P. 39–75.
- Bloom H., Price H. (1975). Voter Response to Short-Run Economic Conditions: The Asymmetric Effect of Prosperity and Recession // American Political Science Review. Vol. 69. № 4. P. 1240–1254.
- Crawley E. (1979). Dictators Never Die: A Portrait of Nicaragua and the Somoza Dynasty. N. Y.: St. Martin's Press.

- Creveld van M.* (1999). *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dowding K., Kimber R.* (1983). The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*. Vol. 11. № 3. P. 229–243.
- Evans P.* (1995). *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press.
- Evans P.* (1989). Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World state // *Sociological Forum*. December. Vol. 4. № 4. P. 561–587.
- Falkowski M.* (2015). Ramzanistan: Russia's Chechen Problem // *OSW Point of View*. № 54. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/194317/pw_54_ang_ramzanistan_net.pdf (дата доступа: 01.08.2017).
- Gill G. J., Pitty R.* (1997). *Power in the Party: The Organization of Power and Central-Republican Relations in the CPSU*. N. Y.: St. Martin's Press.
- Gurr T. R.* (1969). A Comparative Study of Civil Strife // *Graham D., Gurr T. R.* (eds.). *Violence in America*. N. Y.: Bantam Books. P. 572–632.
- Eckstein H.* (1971). *The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions*. L.: SAGE.
- Eckstein H., Gurr T. R.* (1975). *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*. N. Y.: John Wiley & Sons.
- Jenne E. K.* (2003). Sri Lanka: A Fragmented State // *Rotberg R. I.* (eds.). *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Washington: Brookings Institution Press. P. 219–244.
- Jong-A-Pin R.* (2006). On the Measurement of Political Instability and Its Impact on Economic Growth (Working Paper). URL: <http://www.rug.nl/research/portal/files/2838627/06Co5.pdf> (дата доступа: 14.07.2017).
- Kryshstanovskaya O., White S.* (1996). From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. № 5. P. 711–733.
- Mann M.* (1984). The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results // *European Journal of Sociology*. Vol. 25. № 2. P. 185–213.
- North D. C.* (1981). *Structure and Change in Economic History*. N. Y.: W. W. Norton & Co.
- Onis Z.* (1991). The Logic of the Developmental State // *Comparative Politics*. Vol. 24. № 1. P. 109–126.
- Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A., Yildirim M.* (2011). *The Atlas of Economic Complexity*. Cambridge: Puritan Press.
- Morstein M. F.* (2007) *Propaganda and Dictatorship*. Brentwood: Ramsey Press.
- Robinson J. A.* (1999). When is a State Predatory? CESifo Working Paper. № 178.
- Rotberg R. I.* (2003). Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // *Rotberg R. I.* (ed.). *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Washington: Brookings. P. 1–25.
- Salcedo E.* (1964). *Vida de Don Miguel*. Salamanca: Anaya.

- Slater D.* (2010). *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. Cambridge: Cambridge University Press;
- Tilly Ch.* (ed.). (1975). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Tsygankov A. P.* (2014). *The Strong State in Russia: Development and Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- US News. (2017). Best Countries Rating. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/power-full-list> (дата доступа: 03.07.2017).
- Weaver R., Rockman B.* (1993). *Do Institutions Matter? Government Capabilities in the United States and Abroad*. Washington: Brookings Institution Press.
- Wittfogel K. A.* (1957). *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.
- Zimmermann E.* (1979). Crises and Crises Outcomes: Towards a New Synthetic Approach // *European Journal of Political Research*. Vol. 7. № 1. P. 67–115.

The Imitation of Stateness: Predator Instead of Manager

Kirill Telin

Candidate of Political Sciences, Research Fellow of Public Policy Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Address: Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation 119234

E-mail : kirill.telin@gmail.com

This study examines the widespread thesis of recent years of the “strengthening” of the Russian state, perceived as improving its solvency, increasing stability, order, and strength in the period after the year 2000. These views are analyzed on the basis of scientific ideas about the state’s potential, and its order and stability. In considering the domestic case and determining the numerous circumstances preventing a solidarity with political declarations, the author makes a conclusion about the imitative nature of the achieved “political stability” and the “strengthening” allegedly occurring in recent decades. In the author’s opinion, the dynamics of economic development, internal structural contradictions and serious discursive problems determined the expansion, not the strengthening of the state system that hampered the formation of an effective and efficient decision-making system in the political process and of public policy. The author examines various options for the presence of both strengths and weaknesses in the state structure, as well as situations where it is difficult to make an unambiguous conclusion about state consistency and what the state is. The question remains whether the state is a competent management center, a disjointed set of rival institutions, or a predator which monopolizes public resources. Concerning Russian realities and discussing hypotheses about the “predatory” and “fragmented” nature of statehood based on the works of D. North, P. Evans, M. Mann, and E. Jenne, the author remarks on the main problems faced by the continuation of the previous line of political development and the public representation of the state system. These problems include the deterioration of the foreign policy situation, the serious contraction of resources available to the regime, and the divergence within the political elite.

Keywords: political regime, Russian politics, stateness, statehood, ideology, pastiche, stability

References

- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2013) A Political Theory of Populism. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no 2, pp. 771–805.
- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J. A. (2015) State Capacity and Economic Development: A Network Approach. *American Economic Review*, vol. 105, no 8, pp. 2364–2409.
- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016) The Political Agenda Effect and State Centralization. Available at: <https://economics.mit.edu/files/11528> (accessed 01 August 2017).
- Akhremenko A., Yureskul E. (2013) Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniia: politologicheskii i ekonomicheskii podkhody [Performance of Public Administration: Political and Economic Approaches]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 77–88.
- Atnashev M. (2016) Chto Rossiia mozhet i ne mozhet proizvodit vmesto nefiti [What Russia Could and Could Not Produce Instead of Oil]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/62888> (accessed 09 June 2017).
- Baranov A. (2012) Regional'nye politicheskie rezhimy Rossii v sisteme vlastnykh otnoshenii: problemy tipologii [Russian Regional Political Regimes in the Power System: Problems of the Typology]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no 4, pp. 62–73.
- Barnett M., Duvall R. (2005) Power in International Politics. *International Organization*, vol. 59, no 1, pp. 39–75.
- Bloom H., Price H. (1975) Voter Response to Short-Run Economic Conditions: The Asymmetric Effect of Prosperity and Recession. *American Political Science Review*, vol. 69, no 4, pp. 1240–1254.
- Bychkova O., Gelman V. (2010) Ekonomicheskie aktory i lokalnye rezhimy v krupnykh gorodakh Rossii [Economic Actors and Local Regimes in Russian Cities]. *Neprikosnovenny zapas*, no 2, pp. 73–82.
- CEPR (2016) Na pervom meste — sodержanie gosudarstva [Supplying State First]. Available at: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2015/10/Biudzhets-2016-issledovanie1.pdf> (accessed: 08 July 2017).
- Crawley E. (1979) *Dictators Never Die: A Portrait of Nicaragua and the Somoza Dynasty*, New York: St. Martin's Press.
- Dergachev V., Antonova E. (2016) Biudzhetyne raskhody na silovikov k 2019 godu vyrastut do 2 trln rub [Budget Spending on Special Forces Will Increase to 2 Trillion rubles onto 2019]. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/23/10/2016/580a526d9a7947cb56546df8> (accessed 09 June 2017).
- Dowding K., Kimber R. (1983) The Meaning and Use of "Political Stability". *European Journal of Political Research*, vol. 11, no 3, pp. 229–243.
- Eckstein H. (1971) *The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions*, London: SAGE.
- Eckstein H., Gurr T. R. (1975) *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*, New York: John Wiley & Sons.
- Evans P. (1989) Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State. *Sociological Forum*, vol. 4, no 4, pp. 561–587.
- Evans P. (1995) *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton: Princeton University Press.
- Faliakhov R. (2017) Biudzhets-2018: pravitelstvo davit ekonomicheskii rost [Budget-2018: The Government Suppresses an Economic Growth]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2017/10/24/10955294.shtml> (accessed 25 October 2017).
- Falkowski M. (2015) Ramzanistan: Russia's Chechen Problem. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/194317/pw_54_ang_ramzanistan_net.pdf (accessed 01 August 2017).
- Gelman V. (2013) *Iz ognia da v polymia: rossiiskaia politika posle SSSR* [Out of the Frying Pan and into the Fire: Russian Politics after the USSR], Saint Petersburg: BHV-Peterburg.
- Gill G. J., Pitty R. (1997) *Power in the Party: The Organization of Power and Central-Republican Relations in the CPSU*, New York: St. Martin's Press.
- OTR (2016) Gosudarstvo v ekonomike: predely dopustimogo [State Influence on the Economy: The Limits of Acceptable]. Available at: <https://otr-online.ru/programmi/prav-da-1240/gosudarstvo-v-ekonomike-67030.html> (accessed 05 June 2017).

- Gurr T. R. (1969) A Comparative Study of Civil Strife. *Violence in America* (eds. H. D. Graham, T. R. Gurr), New York: Bantam Books, pp. 572–632.
- Hausmann R., Hidalgo C. A., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A., Yildirim M. (2011) *The Atlas of Economic Complexity*, Cambridge: Puritan Press.
- Jenne E. K. (2003) Sri Lanka: A Fragmented State. *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. R. I. Rotberg), Washington: Brookings Institution Press, pp. 219–244.
- Jong-A-Pin R. (2006) On the Measurement of Political Instability and Its Impact on Economic Growth. Available at: <http://www.rug.nl/research/portal/files/2838627/06C05.pdf> (accessed 14 July 2017).
- Kachanovsky Y. (1971) *Rabovladienie, feodalizm ili aziatskii sposob proizvodstva?* [Slavery, Feudalism, or Asiatic Mode of Production?], Moscow: Nauka.
- Kerényi K. (2012) *Mifologija* [Mythology], Moscow: Tri kvadrata.
- Kryshchanovskaya O., White S. (1996) From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. *Europe-Asia Studies*, vol. 48, no 5, pp. 711–733.
- Kuvshinova O. (2016) Sokrashchenie raskhodov biudzheta prodlitsia 18 let [The Declining of Budget Spending Will Last for 18 Years]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/31/663105-sokraschenie-rashodov-byudzheta> (accessed 06 July 2017).
- Kuvshinova O., Prokopenko A. (2016) Eshche 20 let stagnatsii [20 More Years of Stagnation]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsii> (accessed 09 July 2017).
- Lachmann R. (2010) Kapitalisty ponevole: konflikt élit i ékonomicheskie preobrazovaniia v Evrope rannego Novogo vremeni [Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe], Moscow: Territoria budushchego.
- Lachmann R. (2015) Ot amerikanskoi gegemonii — do izmeneniia global'nogo klimata: budushchee gosudarstva [From American Hegemony to the Change of Global Climate: The Future of a State]. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/10951/> (accessed 16 June 2017).
- Magyar B. (2016) Anatomii postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: na primere Vengrii [Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary], Moscow: New Literary Observer.
- Makarychev A. (1998) Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokracji: metodologicheskie podkhody i otsenki [Stability and Instability under Democracy: Methodological Approaches and Evaluations]. *Polis*, no 1, pp. 149–157.
- Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology*, vol. 5, no 2, pp. 185–213.
- Maslovsky M. (2004) *Sotsiologija politiki: klassicheskie i sovremennye teorii* [Sociology of Politics: Classical and Contemporary Theories], Moscow: Novy uchebnik.
- Matveev I. (2016). Neoliberalizm s rossiiskimi kharakteristikami [Neoliberalism with Russian Specifics]. Available at: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/ilya-matveev/rossiya-inc> (accessed 10 July 2017).
- Meleshkina E. (2011). Issledovaniia gosudarstvennoi sostoiatel'nosti: kakie uroki my mozhem izvlech'? Gosudarstvennaia sostoiatel'nost' v politicheskoi nauke i politicheskoi praktike [Studies of Stateness: What Lessons Can We Learn? Stateness in Political Science and Political Practice]. *Politicheskaya nauka*, no 2, pp. 9–27.
- Mereminskaya E. (2016) Gosudareva dolia [Ruler's Share]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki> (accessed 10 June 2017).
- Morstein M. F. (2007) *Propaganda and Dictatorship*, Brentwood: Ramsey Press.
- IFEL Rus (2015) Obespechenie finansovogo suvereniteta Rossii [Procuring Russia's Financial Sovereignty]. Available at: http://www.ifel.ru/mef2015/MEF_2015_14_Reports_1.pdf (accessed 12 June 2017).
- Movchan A. (2016) Korotko o glavnom: rossiiskaia ekonomika v XXI veke [Briefly about the Main: Russian Economy in the 21st Century]. Available at: <http://carnegie.ru/2016/04/26/ru-pub-63431> (accessed 07 July 2017).
- Nisnevich Y. (2014) Praviashchaia nomenklatura segodnia: "zakhvat gosudarstva" [Ruling Nomenclature Today: "State Capture"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 88–97.

- North D. C. (1981) *Structure and Change in Economic History*, New York: W.W. Norton & Co.
- Onis Z. (1991) The Logic of the Developmental State. *Comparative Politics*, vol. 24, no 1, pp. 109–126.
- Petrov N. (2007) Korporativizm vs regionalizm [Corporativism vs Regionalism]. *Pro et Contra*, July/October, pp. 75–89.
- RBC (2016) Rossiiane stali bol'she doveriat' Ramzanu Kadyrovu [Russians Have Come to Trust More to Ramzan Kadyrov]. Available at: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56c824e59a79476e3b9ae02e> (accessed 09.07.2017).
- Robinson J. A. (1999) *When is a State Predatory?* (CESifo Working Paper, no. 178).
- Rotberg R. I. (2003) Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. R. I. Rotberg), Washington: Brookings Institution Press, pp. 1–25.
- Salcedo E. (1964) *Vida de Don Miguel*, Salamanca, Anaya.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Slater D. (2006) Otkuda berutsia sil'nye gosudarstva? Primirenii aziatskoi i evropeiskoi kontseptsii [Where are Strong States from? Dealing with Asian and European Conceptions]. Available at: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (accessed 12 June 2017).
- Slater D. (2010) *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sokolov A., Terentiev I. (2014) Skol'ko v Rossii chinovnikov i mnogo li oni zarabatyvaiut [How Many Public Servants in Russia — and How Much do They Earn]. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (accessed 10 July 2017).
- Telin K. (2016) Igra v imitatsiiu: fenomen politicheskogo pastisha [Imitation Game: Phenomenon of the Political Pastiche]. *Politicheskaya ekspertiza*, vol. 12, no 2, pp. 77–97.
- Tilly C., Ardant G. (1975) *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton: Princeton University Press.
- Trukhachev V. (2014). Narushenie suvereniteta ne vedet k dobру [Breaking Sovereignty Doesn't Lead to Good]. *Razvitie i ekonomika*, no 11, pp. 98–105.
- Tsygankov A. (2014) *The Strong State in Russia: Development and Crisis*, Oxford: Oxford University Press.
- Tsygankov A. (2015) Sil'noe gosudarstvo: teoriia i praktika v 21 veke [The Strong State: Theory and Practice in the 21st Century]. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/10990/> (accessed 07 June 2017).
- Turovsky R. (2013) Sotsial'naia i politicheskaia effektivnost' regional'noi vlasti: problema izmereniia [Social and Political Performance of Regional Power: Problem of Evaluation]. *Politiia*, no 1, pp. 175–196.
- US News (2017) "Best Countries" Rating. Available at: <https://www.usnews.com/news/best-countries/power-full-list> (accessed 03 July 2017).
- Van Creveld M. (1999) *The Rise and Decline of the State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Volkov V. (2012) Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz [Violent Entrepreneurs, 21st Century: Economical and Sociological Analysis], Saint Petersburg: EUSP Press.
- Weaver R., Rockman B. (1993) *Do Institutions Matter? Government Capabilities in the United States and Abroad*, Washington: Brookings Institution Press.
- Wittfogel K. A. (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven: Yale University Press.
- Yamshchikov I. (2014) Teoria ekonomicheskoi slozhnosti i budushchee Rossii [Theory of Economic Complexity and the Future of Russia]. Available at: https://www.bbc.com/russian/blogs/2014/12/141209_blog_technology_yamshchikov_economics (accessed 10 June 2017).
- Yaroslavtseva A. (2012) Politicheskaiia stabil'nost': sovremennye parametry i konnotatsii [Political Stability: Contemporary Parameters and Connotations]. *Aktual'nye voprosy i problemy politicheskoi stabil'nosti v sovremennom mire* [Actual Issues and Problems of Political Stability in Contemporary World] (ed. V. Ivanov), Moscow, RUDN, pp. 11–44.

- Yurchak A. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was Forever, until It was No More: The Last Soviet Generation], Moscow: New Literary Observer.
- Zimmermann E. (1979) Crises and Crises Outcomes: Towards a New Synthetic Approach. *European Journal of Political Research*, vol. 7, no 1, pp. 67–115.
- Zubarevich N. (2011) Chetyre Rossii [Four “Russias”]. Available at: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (accessed 07 June 2017).
- Zubov V., Inozemtsev V. (2015) Ekonomika “chudes”: pochemu gosudarstvennye kompanii tak neeffektivny [Economy of the “Miracles”: Why Public Companies are So Ineffective]. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/09/2015/560923639a79472a14442d47> (accessed 19 June 2017).